

Элчелём ситрѣ. Кушам хупанать.
 Ан такърсам кушсулѣ ман сине:
 Чун вырӑнне татах чун хушанать,
 Йӑлт пушатсах каймастпӑр тӑнчене.
 Элчелём ситрѣ. Кушам хупанать.

Ан такърсам кушсулѣ ман сине,—
 Тӑварѣ ларѣ кушар шарсине.
 Тӑвансенчен каймастпӑр инсене,
 Вьртсан вьртатпӑр хамӑр сӗр айне.
 Ан такърсам кушсулѣ ман сине.

Чун вырӑнне татах чун хушанать,
 Тӑкел сӑмне хӑрах килех тӑрать.
 Сурхи курак пӑт-пат курӑнкалать,
 Кӑрпе каюсан — пӑлӑт хупланать.
 Чун вырӑнне татах чун хушанать.

Йӑлт пушатсах каймастпӑр тӑнчене:
 Вӑрман пек йышӑм юлчӑ ял сине.
 Хӑрхенмелле камалсӑр сынсене:
 Ют сын хупать вӑсен кушсене.
 Йӑлт пушатсах каймастпӑр тӑнчене.

Элчелём ситрѣ. Кушам хупанать.
 Пур ӑмӑт те пӑр харӑс сыпанать,
 Мӑн шырани йӑлтах халь тупанать,
 Йӑлт ывӑс тӑприне вӑл пуханать.
 Элчелём ситрѣ. Кушам хупанать.

1933—1940

Меркнет взор. Пришел мой час последний.
 Я прошу утешиться, кто плачет.
 Есть у жизни гаснувшей наследник,
 Не пустеет белый свет наш, значит.
 Меркнет взор. Пришел мой час последний.

Я прошу утешиться, кто плачет.
 Соль от слез испортит даром зренье.
 Мы ведь рядом с теми, кто судачит
 О кончине нашей, о рожденье...
 Я прошу утешиться, кто плачет.

Есть у жизни гаснувшей наследник,
 И к чете всегда приходит нечет.
 Всех грачей весною спрячет ельник,
 А в отлет полнеба крылья мечет.
 Есть у жизни гаснувшей наследник.

Не пустеет белый свет наш, значит.
 Вот меня и внуки окружают.
 Жаль бездетных: ведь у них иначе —
 Им глаза чужие закрывают...
 Не пустеет белый свет наш, значит.

Меркнет взор. Пришел мой час последний.
 Разом все сбываются мечтанья.
 Что искал — обрел; желанья — бредни:
 В горсть земли вмещаются желанья.
 Меркнет взор. Пришел мой час последний.